

Иван Баграмян о Иосифе Сталине

ИВАН БАГРАМЯН О ИОСИФЕ СТАЛИНЕ

В тот памятный вечер, оставивший у меня неизгладимое впечатление, И. В. Сталин не раз по ходу доклада и в процессе его обсуждения также разъяснял нам, как наилучшим образом использовать боевые свойства пехоты, танков, авиации в предстоящих летних операциях Красной Армии.

Из Кремля я вернулся весь во власти новых впечатлений. Я понял, что во главе наших Вооруженных Сил стоит не только выдающийся политический деятель современности, но также и хорошо подготовленный в вопросах военной теории и практики военачальник.

*И.Х.Баграмян
«Так шли мы к Победе», Москва,
1977, стр. 55-68.*

POLITSTURM.COM

2018-05-09

4 мин. на чтение

Вскоре выяснилось, что И. В. Сталин и Б. М. Шапошников примут нас во второй половине дня 27 марта. Мое начальство рассудило, что основным докладчиком на приеме у Верховного Главнокомандующего должен быть я — начальник оперативной группы направления. Со мной были все необходимые документы, карты и расчеты, которые я, что называется, знал наизусть, как и все основные положения подготовленного нами документа. Однако все-таки я сильно волновался перед предстоящей встречей с Верховным Главнокомандующим. До этого мне еще ни разу не приходилось даже видеть его вблизи. Сталин возглавлял продолжительное время нашу партию, а теперь и правительство, являлся одновременно Верховным Главнокомандующим и пользовался высоким и непререкаемым авторитетом. Нетрудно понять, сколько разнообразных мыслей сменилось в моем сознании в часы, когда я продумывал свой предстоящий доклад.

Просмотрев еще раз все материалы и убедившись, что любой из сколько-нибудь принципиальных вопросов прочно зафиксирован в памяти, я, как, видимо, и любой военный на моем месте, придирчиво осмотрел свое обмундирование и убедился, что мой внешний вид, к сожалению, оставляет желать много лучшего. Особенно плохо выглядела на мне сильно поношенная шерстяная гимнастерка. Пришлось взяться за утюг и иголку. Но помогло это, конечно, мало, и я с досадой подумал, что следовало позаботиться об обмундировании раньше, а теперь сделать что-либо уже было нельзя.

Вечером 27 марта С. К. Тимошенко, Н. С. Хрущев и я приехали в Кремль и прошли в приемную Сталина. Ожидали мы всего несколько минут, а затем были приглашены в кабинет Верховного Главнокомандующего.

Я думал, что И. В. Сталин высок ростом, плечист и что внешность его, если можно так выразиться, соответствует тому ореолу величия, которым он был окружен в народе.

Должен сознаться, что меня удивило и немножко даже разочаровало то, что навстречу нам поднялся человек несколько ниже среднего роста, одетый очень скромно.

Вид и осанка Верховного, казалось, ничем не выделяли его среди окружающих.

В кабинете Сталина, кроме его самого и маршала Шапошникова, никого не было. После обмена приветствиями мне приказали докладывать. Развернув перед Верховным Главнокомандующим карту, я стал говорить о сложившейся на Юго-Западном направлении оперативно-стратегической обстановке и наших стратегических намерениях на лето.

Во время доклада Сталин несколько раз прерывал меня, задавал вопросы. Ответы на некоторые из них должны были, как я понял, не только помочь ему более отчетливо уяснить некоторые детали наших предложений, но и проверить, достаточно ли обоснованы наши выводы, а может быть, и то, насколько подготовлен докладчик к выполнению тех обязанностей, которые на него возложены.

Большинством же своих вопросов Верховный Главнокомандующий с большим тактом стремился, как мне показалось тогда, направить наши мысли в нужное русло и передать нам свои собственные взгляды на важнейшие вопросы тактики и оперативного искусства...

В тот памятный вечер, оставивший у меня неизгладимое впечатление, И. В. Сталин не раз по ходу доклада и в процессе его обсуждения также разъяснял нам, как наилучшим образом использовать боевые свойства пехоты, танков, авиации в предстоящих летних операциях Красной Армии.

После того как я закончил свой сильно затянувшийся, против ожидания, доклад, началось его обсуждение.

Борис Михайлович высказал одно замечание принципиального порядка.

— Вряд ли целесообразно, — сказал он, — как предлагает Военный совет направления, предпринимать с началом летней кампании наступление в полосе действий каждого фронта. Не лучше ли сосредоточить основные усилия войск направления для нанесения мощного удара на одном главном направлении силами одного фронта или же на смежных крыльях объединенными силами двух фронтов?

С этим замечанием мы не могли согласиться. По нашему представлению, главную операцию нужно было провести на стыке двух наших основных фронтов — Юго-Западного и Южного — с целью освобождения Донбасса и Харькова. Переход же в наступление Брянского фронта на орловском направлении мы ставили в зависимость от того, будут ли с началом летней кампании войска левого крыла Западного фронта продолжать прерванное весенней распутицей свое наступление на запад.

Но тут вмешался в разговор Иосиф Виссарионович Сталин. Сохраняя, как всегда, невозмутимое спокойствие, он сказал:

— При своевременном и достаточно полном выделении Ставкой для Юго-Западного направления просимых резервов, вооружения и пополнения людьми предлагаемый Военным советом план наступления был бы приемлемым. Но вся беда заключается в том, что, к сожалению, мы сейчас в центре не располагаем резервами и другими силами и средствами для такого большого усиления Юго—Западного направления.

Затем Сталин развернул перед нами небольшую по размерам мелкомасштабную карту, на которой были схематически изображены все фронты Красной Армии, противостоявшие немецко-фашистским войскам от Баренцева до Черного моря.

Верховный сказал, что сейчас в резерве Ставки имеется всего несколько десятков стрелковых дивизий, из коих значительная часть перебрасывается по железным дорогам для усиления ряда тех фронтов, где ощущается острая необходимость в подкреплениях. Вообще, мол, трудное положение с резервами, в том числе и с накоплением людских ресурсов, вооружения и боевой техники.

— А вы только для Юго-Западного направления просите выделить свыше тридцати стрелковых дивизий, огромное количество вооружения, танков, самолетов и пополнения людьми. Сами понимаете, что мы не в состоянии удовлетворить вашу просьбу. Именно по этой причине ваше предложение не может быть принято. — Встав из-за стола и медленно прохаживаясь по кабинету, Верховный продолжал излагать свои мысли, отчеканивая каждое слово:

Мы на основании изучения данных обстановки, сложившейся на всем советско-германском фронте, пришли к выводу, что с началом летней кампании гитлеровское командование, вероятно, предпримет свою главную операцию на московском направлении, вновь попытается овладеть Москвой, чтобы создать наиболее благоприятные условия для дальнейшего продолжения войны. Это обстоятельство вынуждает нас в оставшееся до лета время основательно подготовиться для срыва намерений противника...

Сталин полагал, что в такой ситуации, поскольку Военному совету Юго-Западного направления нельзя рассчитывать на получение из центра необходимого количества сил и средств, нам следует в летнюю кампанию отказаться от широких планов наступления на юге и ограничиться только задачей овладения районом Харькова. Надо при этом, пояснял Сталин, упредить противника с переходом в наступление, заставить его в стадии подготовки к активным действиям, нанести ему такое поражение, чтобы вынудить гитлеровское командование отвлечь для парирования нашего удара на Харьков часть своих сил с московского направления. Этим, считал Верховный, мы в значительной мере облегчим отражение главного удара противника на Москву.

Исходя из этих соображений, Сталин предложил нам подготовить и представить на следующий день свое предложение по овладению Харьковом.

Из Кремля я вернулся весь во власти новых впечатлений.

Я понял, что во главе наших Вооруженных Сил стоит не только выдающийся политический деятель современности, но также и хорошо подготовленный в вопросах военной теории и практики военачальник.

И.Х.Баграмян “Так шли мы к Победе”, Москва, “Воениздат”, 1977, стр. 55-68

Оригинальная статья